

ной. Онъ потребовалъ, чтобы она, вмѣсто жалостливыхъ посланій, дала обстоятельное показаніе относительно того, что ее побудило пуститься въ доносы, пасквили и клеветы, и кто въ этихъ недобрыхъ дѣлахъ были у нея соучастниками...

Иглина дала требуемое объясненіе. Интересно то, что несчастная женщина съ первыхъ же словъ старается о томъ, чтобы не пало какой либо тѣни на ея милаго. «Умоляю всѣхъ, пишетъ она, на доктора моего Абелляра не имѣть никакого подозрѣнія. Никто не зналъ о моихъ поступкахъ. Сама я писала письма, а если подавалъ ихъ на почту человѣкъ Абелляра, то потому, что докторъ живетъ на одномъ дворѣ съ нами. Посылка табакерки, кольца и проч. было сдѣлано мною для того, чтобы хоть какъ нибудь отвлечь доктора отъ Византиновыхъ и Мѣдкиной. Онѣ отвлекали его къ себѣ, а я оставалась одна при моей болѣзни. Я не могла вынести той мысли, что докторъ мой уѣдетъ съ Византиновой въ Карлсбадъ... Я рѣшилась напугать Византиновыхъ, чтобы докторъ пересталъ къ нимъ отлучаться».

Иглину привезли въ Курскъ. Мужъ ея сдѣлалъ заявленіе о томъ, что его жена страдаетъ нервнымъ разстройствомъ. Она женщина больная, и едва ли ей можетъ быть вѣнено въ вину то, что она продѣлывала подъ вліяніемъ психическаго аффекта... Въ подтвержденіе своихъ словъ, Иглинъ сослался на доктора Абелляра. Послѣдній, находившійся въ это время въ Курскѣ, съ своей стороны удостовѣрилъ болѣзненное разстройство Иглиной, которая подъ вліяніемъ его не вѣдала, что творила. Врачебная управа, опираясь на показанія курскихъ врачей, которыхъ Иглинъ призывалъ къ своей женѣ, высказалась въ пользу психической невмѣняемости виновной. Губернаторъ предложилъ губернскому правленію отдать Иглину на поруки мужу съ подпиской, которою онъ обязывается имѣть больную жену на попеченіи и не допускать ее до какихъ либо непозволительныхъ поступковъ. Мѣстная полиція должна имѣть за Иглиной секретный надзоръ...

Опредѣленіе губернскаго правленія состоялось 4 января 1844 года, а черезъ недѣлю Устимовичъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующій репримандъ:

«Вы (т. е. губернаторъ) не только не отклонили жандармскаго штабъ-офицера Драгневича отъ учиненія полицейскаго осмотра въ домѣ Византиновой, но еще сами къ тому содѣйствовали вопреки закона (928 ст. XV т. св. зак. изд. 1842 года), воспреещающаго производить слѣдствія по безыменнымъ доносамъ... Я—писалъ министръ Перовскій—поставляю вамъ таковыя дѣйствія ваши на видъ и поручаю на будущее время быть осмотрительнѣе».

А отъ шефа-жандармовъ, которому курскій губернаторъ донесъ объ открытіи виновницы политическихъ доносовъ, была получена слѣдующая бумага: